

Невроз

Автор:

Татьяна Воронцова

Невроз

Татьяна Воронцова

«Каждое солнце имеет Sol Nigredo, каждый предмет – тень». Окончательно заблудившись на темной стороне своей души, талантливый писатель Грэм Мастерс оказывается в кабинете психоаналитика. Но Маргарита, школьная подруга его сестры, и сама не свободна от многочисленных комплексов и иллюзий. Лишенные внутренней целостности, они не способны исцелить друг друга, но всепоглощающая сила любви, в конце концов, соединяет неотразимое чудовище и слишком правильную красавицу.

Татьяна Воронцова

Невроз

Вглядываясь в бездну, помни о том,

что бездна вглядывается в тебя.

Ф. Ницше

Глава 1

Пока варился кофе, она решила по-быстрому проверить почту. Включила компьютер, загрузила Outlook. Бросив на спинку кресла колготки и бюстгальтер, щелкнула мышкой по строке падающего меню «получить все». Сейчас же, как из рога изобилия, посыпалась всякая белиберда: «Сдается офис и склад... что нужно знать руководителю и главному бухгалтеру... худеем без вреда для здоровья...»

Минуточку. А это что такое? Рита присела к столу. Отправитель был ей не знаком и в то же время знаком. Graham – какое странное имя! Так звали... о боже, нет! Сердце учащенно забилося. Нет. «Ты уехал, ушел из моей жизни» – так, кажется, пишут в дамских романах? «Наши пути разошлись». Так, еще парочка клише, и можно смело записываться в клуб старых дев.

На кухне журчала кофеварка. Дразнящий аромат растекался по всей квартире. Пора, пора собираться на работу, ровно в десять явится та дамочка с булимией, которую бросил муж. А она все сидела и тупо смотрела на экран, не в силах заставить себя открыть и прочитать письмо человека по имени Грэм. Человека, которого несколько лет назад (сколько, кстати?.. четыре?.. пять?..) с полным основанием вычеркнула (вот оно, недостающее клише!) из списка живых. Он стал вымыслом, женской фантазией. Фотографией в простой деревянной рамке, стоящей на комодке рядом со статуэткой богини материнства и плодородия с острова Бали, его же подарком.

Рита перевела дыхание. Ну, смелее. Ты же не школьница, в конце концов, а взрослая женщина, кандидат медицинских наук. А он кто? Да просто очередной невротик, который не пожелал расстаться со своими неврозами и чуть было не свел с ума лечащего врача. Писатель, работающий в жанре черной готики. Знаковая фигура, как теперь принято говорить, для культуры, точнее, контркультуры своего поколения.

Если только это он. Не чья-нибудь глупая шутка и не совпадение.

Это был он.

«Моя незабвенная Маргарет! Я прилетаю послезавтра. Рейс №... из Парижа, аэропорт Шереметьево-2. Это не означает, что ты должна меня встречать, боже упаси! Скорее всего я буду пьян, потому что панически боюсь самолетов. Это значит всего лишь, что я хочу тебя видеть и надеюсь, ты не откажешься

встретиться со мной в субботу вечером в ресторане „Марио“. Любящий тебя Грэм».

Сперва ее передернуло, потом бросило в пот. Она живо представила себе его улыбку – белозубую мальчишескую улыбку в сочетании с иствудовским прищуром, меняющую до неузнаваемости его мрачноватое лицо. Улыбался он редко, и всякий раз это было как подарок. В такие минуты даже его темные глаза трагического актера с чуть опущенными наружными уголками и устремленным внутрь себя взглядом становились живыми и блестящими. Грэм был на редкость красивым мужчиной. Интересно, удалось ли ему остаться таковым?

Эта болезненная привлекательность нервных людей – людей, живущих на пределе возможностей, постоянно балансирующих на грани между нормой и патологией... Почему их обаяние столь непреодолимо? Не потому ли, что, глядя на них, начинаешь осознавать с особенной ясностью, до чего же оно хрупкое – наше психическое здоровье. Как легко его лишиться. Как трудно, а подчас невозможно его восстановить.

Моя незабвенная Маргарет...

– Черт тебя подери, – пробормотала Рита, продолжая смотреть на экран.

Высокие скулы на худом, изможденном лице... Он не ел, наверно, дня два или три, прежде чем сдался и явился-таки на прием, который до этого упрямо откладывал. Стоп! Стоп! Сейчас все это совершенно ни к чему. Сейчас – только чашка кофе, завтрак на скорую руку, час езды по запруженным транспортом московским улицам в преддверии еще одного долгого дня, заполненного чужими проблемами.

Уже паркуясь на стоянке перед кирпичным восьмиэтажным зданием клиники, Рита позволила себе минутную слабость и припомнила, как он заезжал за ней в конце рабочего дня (своей машины у нее тогда еще не было); они ужинали вместе в каком-нибудь небольшом ресторанчике, а потом... Да, все это было уже потом. После того, как он добился полной и безоговорочной капитуляции, и ей оставалось лишь наблюдать в бессильной ярости, как его болезнь (ведь гениальность – это всего лишь форма безумия, не так ли?) расцветает пышным цветом, внося в их и без того сложные отношения элемент обреченности, этакий

упоительный надрыв.

– Здравствуйте, Маргарита Максимовна! – улыбнулась дежурной улыбкой душечка Наташа. – Потапов из отделения ультразвуковой диагностики сегодня приведет к вам свою племянницу, вы помните?

– Да, спасибо.

Пациентка с булимией опоздала на пять минут. Это было очень мило с ее стороны – ровно столько и требовалось Рите для того, чтобы снять плащ, мельком глянуть на себя в зеркало и занять привычное место за столом. Двери ее кабинета всегда были плотно закрыты, и только когда Наташа впустила взволнованную и ужасно смущенную опозданием пациентку, на минуту стали слышны чьи-то голоса в приемной, звонок телефона на столе секретаря и шум электрического чайника.

– Я вижу, вы сменили губную помаду, – заметила Рита после стандартного обмена приветствиями. – Вам идет этот оттенок розового.

– В самом деле? – обрадовалась вертлявая брюнетка с внешностью провинциальной поп-звезды. – Я рада, что вам понравилось. Ах, Маргарита Максимовна, если бы вы знали, как я вам благодарна! – Она порывисто прижала к груди стиснутые кулачки. – Вы мне так помогли, так помогли! Я чувствую себя гораздо лучше. Уверена, скоро я буду совсем здорова. Знаете, вообще-то я искала такой оттенок, как у вас... – Прищурившись, она пристально взглянула на Ритины слегка подкрашенные губы. – Но не нашла. Что у вас за помада?

Все это Рите не очень-то нравилось. Пациентка жаждала не излечения, а возвращения к привычной схеме поведения. На смену эмоциональной зависимости от мужа приходила зависимость от врача.

– Не уверена, что она подойдет вам, Елена. У вас совсем другой цвет лица. Давайте вернемся в тот день, когда вы впервые почувствовали себя интересной женщиной. Вы сказали, это произошло на вечеринке по случаю дня рождения одной из ваших подруг.

– О да! Я была в шикарном красном платье...

Выслушивая ее более чем банальные откровения, сопровождаемые неумной жестикуляцией и восторженным блеском глаз, Рита вспоминала о том, как на этом самом месте сидел бледный темноволосый мужчина и говорил тихим, чуть задышающимся голосом: «Быть как все? Но все – это значит никто. Мы прячем свою индивидуальность из боязни быть осмеянными. И не вздумайте спорить! Кто отличается от нормального большинства, неизбежно становится мишенью. Неуязвима лишь посредственность».

И позже: «Прекратите же делать вид, будто я болен, а вы здоровы. Мы играем в одну и ту же игру. Сегодня ваша подача, завтра моя. И кто знает, исцелим мы друг друга или уничтожим. Бывает по-всякому».

* * *

Ольга была ее лучшей подругой класса примерно с четвертого. Вместе в школу, вместе из школы. В кино, на дискотеку, по магазинам – всюду вместе. Дела сердечные, школьные интриги... Сколько было пролито слез! Сколько дано обещаний! Потом выпускной вечер, вступительные экзамены в вуз. Рита пошла в Институт практической психологии и психоанализа при Институте психологии РАМН, Ольга – в Институт экономики, финансов и права. Они, конечно, общались, но уже не так часто. Звонок по телефону, e-mail, случайная встреча на улице... «Ну, как ты?» – «А ты?» – «Целую, пока! Созвонимся!» – «Обязательно!» Словом, обычная история. В тот вечер, когда Ольга позвонила и попросила принять без предварительной записи ее младшего брата, Рита внезапно осознала, что не видела ее уже лет шесть или семь.

– Для начала я хотела бы поговорить с тобой. Ты можешь подъехать завтра к девяти утра? В десять у меня начинается прием.

Ольга сказала «без проблем», и на этом они распрощались.

Да, вот ведь как бывает: сперва ешь с человеком из одной тарелки, а потом не можешь вспомнить, как он выглядит. Ольга, Ольга, бедная моя подружка, неужели и тебя тоже втянуло в этот водоворот: кухня – муж – дети – работа... дети – кухня – работа – муж... в выходные на дачу или на диван перед телевизором?.. В глубине души Рита понимала, что так оно и есть. Потому что у Ольги, в отличие от нее, прирожденной карьеристки и стервы, была семья. Муж и двое детей. Сочувствовать ей по этому поводу или завидовать?.. Смотря в

какие минуты. А сама Ольга, интересно, довольна своей жизнью или, подобно многим, жалеет о том, что ничего уже нельзя вернуть назад?..

Брата ее Рита и в прежние времена видела только мельком – «привет-пока», не более того. Он учился в какой-то ужасно модной спецшколе с углубленным изучением английского языка, а когда Рита приходила к Ольге помочь ей с домашним заданием, или подготовиться к контрольной, или просто послушать музыку (в гостиной у них стояла дорогушая аудиоаппаратура класса Hi-Fi с английской акустикой) и поболтать о том о сем, почти не высовывал носа из своей комнаты. Впрочем, он не так уж часто бывал дома.

Позже до нее дошли слухи, что он свалил за границу, чтобы продолжить обучение в каком-то престижном европейском университете. Когда же она в последний раз слышала о нем, он был уже довольно известным, можно даже сказать, скандально известным писателем, чьи книги, едва увидев свет, тут же становились бестселлерами. Они издавались, переиздавались, переводились на разные языки... Рита не прочла ни одной, но знала, что они считаются сильными, неоднозначными, провокационными и, безусловно, заслуживают внимания. Критики захлебывались то хулой, то похвалой, читатели сметали с прилавков книжных магазинов один тираж за другим, что же до автора, то он ни в какую не желал становиться публичным человеком, несмотря на свалившуюся на него в одночасье непрошеную славу. Вот уже много лет он оставался тенью фигурой, таким графом Z, не появляющимся ни на экранах телевизоров, ни на обложках глянцевого журналов. О своем имидже он не заботился совершенно. Его волновали только книги, которые он писал.

Большую часть времени он проживал в Амстердаме, хотя периодически наезжал то в Лондон, то в Париж. Писательское ремесло приносило ему неплохой доход, кроме того, он являлся совладельцем сети лондонских ресторанов.

Через полгода после смерти родителей сестра попросила его приехать в Москву, помочь ей разобраться с делами, и тут выяснилось, что он сам нуждается в помощи. По одной из последних его книг был снят полнометражный фильм, он принимал участие в переработке текста в сценарий, затем в съемках, а по завершении трудов у него случился нервный срыв. Переутомление? Едва ли. Молодой, здоровый мужчина... Алкоголь? Наркотики? Вот это вполне возможно, учитывая место жительства и род занятий.

– У него совершенно расстроены нервы, – жаловалась Ольга. – На прошлой неделе мне удалось уговорить его показаться одной знакомой врачихе, ну, в той больнице, помнишь, где лечилась мама... Ну вот. Она поговорила с ним, выписала какие-то таблетки, но он отказался их принимать. «Прошу прощения, доктор, но это не для меня. Я люблю выпить, а ваши лекарственные препараты скорее всего несовместимы с алкоголем. Не спорю, это может быть интересно, и даже в самом худшем случае меня ждут всего лишь вечные муки, ад и погибель, и все же... все же я предпочитаю еще немного поболтаться на этом свете». Так и сказал. Ну что ты будешь делать? Естественно, она отказалась им заниматься. Когда я перезвонила ей, она сказала, что если пациент настроен таким образом, толку от лечения не будет все равно, и посоветовала обратиться к специалистам, практикующим классический юнгианский психоанализ. Если медикаментозное лечение ему не подходит... то есть если он считает, что оно ему не подходит, то остается только одно! Она назвала несколько клиник, в том числе эту, и, разумеется, я сразу вспомнила о тебе. Правда, я не была уверена, что ты сама этим занимаешься. Ну, проводишь сеансы и тому подобное...

Рита терпеливо кивнула.

– А какой диагноз ему поставила твоя знакомая?

– Нервное истощение, панические атаки... – Ольга положила на стол рецепт. – И вот что прописала. Лично я ни слова не понимаю. У вас, медиков, такой почерк...

Рита глянула краем глаза. Седативные препараты, нейролептики... Ох, до чего же это некстати! Но отказать было невозможно. Ольга, задушевная подруга, сидела перед ней в кресле и с надеждой заглядывала в глаза.

– Где он живет?

– Сейчас дома. Ну, в квартире родителей на Ботанической.

– А вообще?

– Да толком не знаю. Мотается по чужим квартирам да по отелям... Последний год жил в какой-то студии в центре Амстердама вместе с таким же психопатом – не то фотографом, не то кинооператором.

Судя по всему, даже при своих деньгах он предпочитал вести полубогемный образ жизни, не обрастая недвижимостью и не впадая в зависимость от биржевых сводок.

– Он женат? – спросила Рита.

Ольга молча уставилась на нее. Рита скорчила гримасу.

– Нет. То есть был женат, но она сбежала с каким-то рок-музыкантом. А потом умерла. Покончила с собой.

– Она была русская?

– Нет, голландка.

– Твой брат любил ее? Как он перенес потерю?

– Без особых эмоций. Не думаю, что там была любовь.

– Зачем же они поженились?

– Да просто по глупости. Как большинство из нас.

– Сколько они прожили вместе? Я задаю эти вопросы тебе, – пояснила Рита, – чтобы не задавать их ему.

– Понятно. – Ольга поерзала в кресле. – Года два, если не ошибаюсь.

– Они ссорились?

– Понятия не имею. Он всегда был скрытным.

– Откуда же ты знаешь, что он не переживал из-за ее измены и последующего самоубийства?

– Ну... он никогда не говорил, что переживает.

– А вы много общались?

– Да нет, не особенно.

Рита еще раз взглянула на рецепт.

– Так он сразу заявил в категорической форме, что не станет ничего принимать?

– Да. Я купила эти дурацкие пилюли, целых три упаковки, но он посоветовал мне спустить их в унитаз. Сказал, что седативы и транквилизаторы гасят пламя жизни.

– Даже так?

Рита побарабанила пальцами по столу. Именитый писатель. Умен, талантлив. Понимает, что болен, но отказывается от лечения, рассматривая свою неврастению как своего рода расплату. Расплату за дар. За пламя жизни. Как говорил Курт Кобейн, лучше гореть, чем угасать.

– О господи! – воскликнула она в раздражении. – Зачем ты подсовываешь мне таких несносных пациентов?

– Он мой брат, – сказала Ольга.

Рита тяжело вздохнула и открыла ежедневник.

– Принять его без записи я не могу, у нас с этим строго. Люди ожидают своей очереди месяцами. Но у меня есть окно... да, в понедельник, в 16:00, только предупреди, пожалуйста, чтобы не опаздывал.

Она специально просила Наташу не записывать никого на это время, собираясь в спокойной обстановке перечитать старые истории болезни и заняться другими делами, которые из-за возросшей в связи с увольнением одного из коллег нагрузки постоянно переносила со дня на день. Но, видно, не судьба.

Ольга растроганно чмокнула ее в щеку. На прощание они тепло обнялись, заверили друг друга в неизменной любви и дружбе, обменялись комплиментами по поводу прически-макияжа-костюмчика и расстались до понедельника. Рита пообещала позвонить после того, как составит собственное мнение о строптивом братце.

Для тридцатипятилетней матери семейства Ольга и правда выглядела весьма неплохо. Яркая, со вкусом одетая. Особенно Риту порадовал маникюр. К сожалению, замужние женщины часто пренебрегают этой процедурой из-за бесконечных хлопот по хозяйству. Когда ежедневно моешь, чистишь и драишь, не говоря про сумки с продуктами, какой уж тут маникюр!

Она подошла к зеркалу и уставилась на свое отражение. Ладно, еще не все потеряно. Регулярные визиты к косметологу приносят кое-какие плоды. Волосы, пожалуй, стоит чуть-чуть осветлить. Избавиться от этого желтоватого оттенка. Сделать их более платиновыми, и пусть враг трепещет. «Родила бы, что ли», – сказала ей как-то мать. Отличная мысль! Только вот от кого? Воспользоваться услугами Международного банка спермы? А что, нынче это модно. М-да...

Вечером она налила себе чашечку чая, устроилась за компьютером и попыталась составить заочное представление о том, с кем ей предстояло познакомиться в ближайшее время. Может быть. Если парень не струсит, что вполне вероятно. Многие мужчины пасуют в кабинете психоаналитика, хотя в кресле руководителя или дома на диване чувствуют себя очень даже уверенно.

Ольга сказала: «Он публикуется под псевдонимом Грэм Мастерс».

«Мастерс? – машинально переспросила Рита, вспомнив почему-то Макгрегора Мастерса из ордена Золотой Зари. – Почему?»

«В Оксфорде у него был друг, Колин Мастерс. Он скончался от передозировки наркотиков».

Graham Masters. Собственного сайта у него, похоже, не было. Она сделала запрос через поисковик, и через минуту в ее распоряжении оказались тридцать пять адресов интернет-страниц, где в том или ином контексте упоминалось его имя. Она глотнула горячего чая и принялась неторопливо просматривать их одну за другой.

Сборники рассказов, романы, многочисленные публикации в журналах и антологиях... сотрудничество с издательствами Tartarus Press, Scarecrow Press, Earthling Publications, Liverpool University Press, Sarob Press и многими, многими другими... премии и награды Интернациональной гильдии ужасов (The International Horror Guild), Ассоциации писателей жанра хоррор (Horror Writers Association) и так далее и тому подобное... статьи в газете Sunday Times...

«Он не фантаст, – объясняла его сестра с таким видом, будто старалась добиться для него отмены приговора. – Его герои – наши современники, внезапно оказавшиеся в жуткой, противоестественной ситуации».

Ну, здорово! Он зарабатывает себе на жизнь, описывая всевозможные кошмары и человека, пытающегося им противостоять по мере своих слабых сил. И от этого самого его предстоит излечить? А что же останется? Что останется?

Ей приходилось иметь дело с подобными пациентами, и она отлично знала, что слишком настойчивое вторжение в сферу бессознательного может закончиться для них тяжелым психозом. Интересно, что там в анамнезе... Родители, кажется, не страдали никакими психическими расстройствами. А другие члены семьи? Просмотрев все материалы, касающиеся Грэма Мастерса, она пришла к неутешительному выводу, что самым лучшим было бы оставить его в покое.

Глава 2

Понедельник подкрался незаметно. Вот только что, кажется, была пятница, и она терпеливо объясняла разгневанной и оскорбленной в лучших чувствах мамаше, почему ей следует срочно переселить к бабушке свою четырнадцатилетнюю дочь от первого брака (или расстаться с новым мужем), как сразу – бац! – и понедельник.

Сегодня должен прийти Грэм. Мысленно она называла его именно так, хотя ей было известно и настоящее его имя – Григорий. Младший брат. Рита вдруг поняла, что совершенно не представляет, сколько ему лет. Он может быть моложе Ольги и на год, и на пять лет. Хотя нет, на пять – это вряд ли. Хорошо, сказала она себе, стоя перед открытым платяным шкафом и рассеянно

перебирая висящие на вешалках костюмы. Это даже хорошо – не знать его возраста, не знать почти ничего. Хорошо для работы. Просто пациент. Незнакомый человек на приеме у психиатра.

Он явился без опозданий. Первые минуты знакомства: неизбежное напряжение, оценивающие взгляды... Наташа принесла кофе в белых фарфоровых чашках, поставила на стол вместе с вазочкой шоколадных конфет и упорхнула, ослепив пациента улыбкой.

Стоя посреди кабинета и медленно оглядываясь по сторонам, он пытался сделать выбор между креслом, придвинутым к столу (пациент лицом к лицу с врачом), креслом сбоку от стола (пациент изредка поглядывает на врача, а в случае внезапного замешательства имеет возможность отвернуться), креслом чуть поодаль (пациент и врач смотрят друг на друга, но их разделяет некоторое расстояние) и креслом в углу, в глубокой тени (пациент вообще не видит врача, что создает почти полную иллюзию одиночества). Рита ждала. Опыт подсказывал ей: во время первого визита вежливость скорее всего вынудит его занять кресло напротив, но в дальнейшем он может счесть это неудобным и перебраться в тень.

Она ошиблась. Он с самого начала выбрал кресло поодаль. Глядя на то, как он сидит там, непринужденно откинувшись на спинку и вытянув вперед свои длинные ноги со скрещенными лодыжками, Рита опять подумала, что с ним будет не так-то просто найти общий язык.

– Вам удобно?

– О да, вполне.

Она встала из-за стола и, захватив обе чашки с дымящимся черным кофе, медленно приблизилась к пациенту. Поставила его чашку на низенький журнальный столик, а со своей отошла к окну. Сидя в прежней позе, он без стеснения разглядывал ее. Рита знала эти чуточку снисходительные, раздевающие взгляды уверенных в себе мужчин и порадовалась тому, что сегодня на ней широкие брюки марлен и короткий приталенный жакет, а не одна из ее любимых узких юбок, оставляющих открытыми колени.

Хотя нельзя сказать, что эти взгляды ей неприятны. Он по-своему интересный мужчина, брат ее подруги. Высокий, очень худой, с бледной, чистой кожей и неистово горящими глазами. Глаза... их буйное, темное пламя – пожалуй, это единственное, что выдает в нем невротика.

– Надо же, – задумчиво промолвил он, продолжая изучать ее грудь в овальном вырезе жакета, – я вас совсем не помню.

– Очень хорошо. Если бы мы помнили друг друга, это могло бы помешать нашей работе.

Возникла пауза. Рита сделала маленький глоток и поставила чашку на подоконник.

– Как вас называть?

– Как хотите.

– Можно Грэм?

– Пожалуйста, – отозвался он равнодушно.

В одной из статей, размещенных на сайте издательства Tatran, рассказывалось о том, как близкий друг Грэма Мастерса, художник (Рита забыла его фамилию), принадлежащий к культуре андеграунда, однажды написал его портрет, который был признан шедевром, выставлялся в нескольких модных галереях, а затем перекочевал в частную коллекцию какого-то греческого судовладельца.

– Вы не скучаете по своему прежнему имени?

Он немного подумал, как будто ответ на этот вопрос требовал совершения в уме сложных арифметических действий.

– Почему я должен скучать? Мы не расставались. Мои друзья из числа русских эмигрантов до сих пор зовут меня Гришкой. Меня это забавляет... иногда. А иногда пугает. Какая все-таки странная штука – имя. Вы не задумывались об этом?

– Задумывалась, конечно. Тем более что мне никогда не нравилось мое имя. Маргарита... Спасибо, что не Вероника и не Олимпиада. – Она улыбнулась в расчете на ответную улыбку, но он был начеку. – Так, значит, вам нравится время от времени чувствовать себя Гришкой?

– В общем, да. Думаю, это полезно – в некотором смысле. Но то, как я себя при этом ощущаю... поймите, это тоже маска. Это не есть «я».

– Меню – это не пища. Карта – это не территория. Все так. Однако человек нуждается в каких-то точках отсчета.

– Вы имеете в виду символический центр Мира? Священную гору, откуда можно попасть на Небеса, под Землю и в Преисподнюю? Пуп земли, место Творения... – Он говорил тихим, низким голосом, вынуждая собеседника поневоле напрягать слух. Нехитрый и безотказный способ завладеть чьим-то вниманием. – Если пойти дальше, можно договориться до того, что личная история человека начинается с его рождения и наречения его Сергеем или Робертом, но, боюсь, при ближайшем рассмотрении эта теория окажется полной ерундой. Фокус в том, доктор, что человек, как правило, не считает своим имя, данное ему родителями. Я знал многих, кто всякий раз удивлялся, слыша это вроде бы привычное «Серега» или «Боб». И сам никогда не отождествлял себя со своим именем.

Это насмешливое «доктор» кольнуло ее сильнее, чем можно было ожидать.

– А с чем отождествляли? Есть ли хоть что-то, что вы могли бы назвать синонимом вашего подлинного «я»?

Он долго молчал, разглядывая ее с холодным, беспристрастным интересом, как диловинное насекомое.

– Мне обязательно обсуждать это с вами?

Рита вернулась на свое место. Теперь их разделял стол и еще два метра пустого пространства. Он почувствовал необходимость изменить дистанцию, она не собиралась препятствовать ему. Пока не собиралась.

– Нет, не обязательно. Мы можем закончить разговор прямо сейчас. Вы вернетесь домой и скажете родственникам, что отказываетесь от лечения, поскольку не считаете меня компетентным специалистом. Вам даже не придется оплачивать сегодняшнюю консультацию. Мы не берем денег с пациента, который после первого же сеанса приходит к выводу, что его обращение к нам было ошибкой.

– Да, меня предупреждали. – Он чуть прищурился, как будто от Риты внезапно начал исходить свет, режущий глаза. – Так вы не хотите работать со мной? Боитесь, что орешек окажется не по зубам?

– Нет, просто вы не нуждаетесь в анализе. Вы свыклись с вашими неврозами, предпочитая рассматривать их не как заболевание, а как знак собственной избранности, и до тех пор, пока вы будете тешить себя этой иллюзией, мы не сдвинемся с места. У меня слишком плотный график, Грэм, и слишком много действительно больных людей ждут моей помощи. Я не могу позволить себе тратить время на приятные, но абсолютно бесплодные беседы с влюбленным в себя интеллектуалом.

– Никто не говорил со мной так, как вы, – произнес он с видимым удовольствием. – Ни один врач. Пожалуйста, продолжайте.

– Продолжать должны вы, а не я.

– О'кей. – Он спокойно встретил ее взгляд. – Что вы хотите услышать?

– Расскажите, что привело вас сюда.

– Моя сестра.

– Я не об этом.

– Ах, да... Бессонница, мигрени, приступы раздражительности, депрессия, пьянство – этого достаточно?

– Давайте остановимся на мигренях. Как часто это случается?

– Раз в месяц. Или раз в неделю. По-всякому.

– Вы не обращались к невропатологу?

– Нет.

– Почему?

На лице его появилось скучающее выражение. Он явно не считал себя больным, но это было, строго говоря, совсем не плохо.

– Вам никогда не ставили диагноз артериальная гипертензия?

– Повышенное давление? – догадался он. – Не помню, когда я последний раз его измерял.

– У вас не бывает ощущения прилива крови к голове? Головокружений? Потери ориентации?

– Ну, вообще-то, – признался он с ухмылкой, точно рассказывал анекдот, – основная моя проблема – это метро, лифты и самолеты. И если поездку в лифте еще можно как-то пережить... минута, две, три... то самолеты – мать божья! Мне приходится всякий раз надираться до бесчувствия, что создает определенные трудности при прохождении паспортного контроля и получении багажа.

– Что пугает вас в метро? Духота? Сознание того, что вы находитесь под землей?

– Боязнь быть проглоченным Страшной Матерью, да... Я слышал, многие мужчины подвержены таким страхам. Но в моем случае дело не в этом.

– А в чем же?

– Люди. – Глаза его слегка расширились. – Слишком много людей.

– Но в лифте...

– Знаю, знаю. В лифте я один, и все равно меня мутит от страха. Проклятие! Стал бы я делиться этим с вами, если бы мог до всего дойти своим умом!

Перехватив беглый взгляд, брошенный им на пепельницу, Рита приготовилась к тому, что сейчас он попросит разрешения закурить. Разумеется, он курит! Такого мужчину невозможно представить без сигареты. Однако он устоял.

Она продолжала исподволь наблюдать за ним. Немного занервничал. Что ж, бывает. Пальцы левой руки, лежащей на подлокотнике кресла, сжались в кулак, но почти сразу разжались. Старается сохранять контроль.

– Мне не нравится ваша худоба, – возобновила Рита прерванный разговор. – В чем причина?

Грэм растерянно пожал плечами:

– Быть может, в том, что я не ем пирожных?

– А сегодня вы ели что-нибудь?

– Дайте подумать. – Он наморщил лоб. Помолчал и обезоруживающе улыбнулся. – Боюсь, что нет.

– Можно полюбопытствовать, почему?

На этот вопрос он так и не дал внятного ответа.

– Вы страдаете отсутствием аппетита?

– Время от времени.

– А вам не приходило в голову, что причиной всех ваших недомоганий, начиная от мигреней и заканчивая только что перечисленными фобиями, может быть какое-то легко поддающееся диагностике и лечению заболевание желудочно-кишечного тракта?

Он вяло усмехнулся:

– Предлагаете мне обследоваться на предмет язвы желудка? Хм... Помнится, кто-то из друзей рассказывал мне, как это обычно происходит, и я еще подумал: вот сюжет, достойный Стивена Кинга. Не улыбайтесь. Я знаю, что перед началом аналитической работы каждый пациент в обязательном порядке проходит стандартное медицинское обследование. И хотя я не нахожу перспективу особо заманчивой, бессмысленность каких-либо пререканий по этому поводу для меня очевидна.

– Отличная речь! – улыбнулась Рита. – Еще несколько вопросов, если позволите. Вы признались, что употребляете алкоголь. Как часто?

– Признались... – повторил он с гримасой. – А вы что, его не употребляете?

– Я спросила, как часто.

– Бог ты мой!

– Не нужно вести себя как школьник в кабинете директора.

– Не буду, если вы перестанете вести себя как директор.

Умышленно затягивая паузу, Рита с интересом следила за его отчаянными попытками отстоять свою независимость, при этом не выходя за рамки приличий. Он не видел в ней врача, только женщину. К этому располагали и сама обстановка кабинета, больше напоминающего небольшую гостиную (мягкие кресла, светлое ковровое покрытие, цветы на окнах, настольная лампа со старомодным абажуром), и то обстоятельство, что все психиатры этой клиники традиционно обходились без белых халатов. Ничего страшного. С этого начинают почти все мужчины, и все без исключения со временем избавляются от этого стереотипа.

– Какие из алкогольных напитков вы предпочитаете?

– Коньяк, арманьяк. А также красные вина, желательно классифицированные.

– Виски?

– Нет, нет.

– Абсент?

– Иногда.

Черные брюки с едва обозначенными стрелками... длинный черный пуловер крупной вязки, делающий его похожим на артиста или художника... в треугольном вырезе виднеется горловина белой хлопчатобумажной футболки. Изящные, узкие кисти рук, расслабленно лежащие на подлокотниках кресла. На левом запястье часы с массивным браслетом из белого металла (золото? платина?), на правом – цепь из крупных плоских звеньев. Тоже светлая, с красивым матовым блеском.

Рита почувствовала мягкий толчок в сердце, как бывало всегда, стоило ей уловить близкое присутствие табуированной, тщательно охраняемой от вторжения области бессознательного. Тяжелые металлические побрякушки на запястьях обеих рук... привычка носить их, все время чувствовать себя захваченным в плен... не вполне свободным.

– Значит ли это, что у вас имеется алкогольная зависимость?

– Не думаю.

– А наркотическая?

Он вскинул глаза. Темные, как раскаленные бездны ада.

– Однозначно нет.

– Но вам приходилось пробовать наркотики?

– Да.

– Какие именно?

– Все существующие.

– Есть ли среди них такие, которые вы употребляете постоянно?

– Мы говорим о нелегальных препаратах, – хмуро произнес он. – Мне бы не хотелось распространяться на эту тему.

– Вы в кабинете психоаналитика, Грэм. Здесь можно признаться в чем угодно, даже в убийстве, не опасаясь оказаться из-за этого на скамье подсудимых.

– Тайна исповеди?

– Совершенно верно.

Но он молчал.

Рита попыталась зайти с другой стороны.

– В случае необходимости вы согласитесь на детоксикацию?

– Да, но не думаю, что такая необходимость возникнет. В настоящее время я чист.

– Когда вы принимали очередной наркотик, что было вашей целью? Простое удовольствие? Или, как говорят последователи доктора Лири, расширение сознания?

Он не поддавался. Он стоял насмерть.

– Вряд ли это имеет отношение к моим нынешним проблемам.

– Что ж, думаю, на сегодня хватит. – Она нажала кнопку спикерфона. – Сейчас моя ассистентка проводит вас к Штейману Якову Давыдовичу, заведующему терапевтическим отделением.

– Яков Давыдович... – прошептал Грэм с округлившимися от ужаса глазами. – Помогите нам боже!

– Он побеседует с вами, – продолжала Рита, не обращая внимания на этот спектакль, – и составит график обследований. На протяжении ближайших трех-четырех дней вам предстоит приехать сюда к девяти утра и оставаться столько, сколько потребуется. После того как я получу вашу медицинскую карту с результатами всех обследований, мы сможем начать работу. Всего хорошего.

Грэм медленно поднялся на ноги. Явившаяся на зов Наташа распахнула перед ним дверь, ведущую не в приемную, где уже дожидался следующий пациент, а в маленький коридорчик, откуда можно было попасть на лестничную клетку, а оттуда на лифте – на пятый этаж.

– Прошу вас.

Уже переступив порог, он обернулся и окинул Риту пристальным, запоминающим взглядом.

– Спасибо, доктор. Увидимся через неделю.

Оставшись одна, Рита выпрямилась в кресле, набрала полную грудь воздуха, на секунду задержала дыхание, после чего с облегчением выдохнула. Устало помассировала пальцами виски. Прошлась взад-вперед по кабинету, рассеянно трогая пальцами спинки кресел. Потом бросилась к столу, торопливо сняла трубку внутреннего телефона и позвонила в терапевтическое отделение.

– Яков Давыдович? Это Маргарита. Я направила к вам одного из своих пациентов... дневной стационар, да. Строганов Григорий Германович. Да. Нет. Общее истощение организма, подозрение на язву желудка, ряд истерических симптомов с периодически повторяющимися мигренями... Постарайтесь убедить его в том, что все это очень серьезно. Не знаю, не знаю. Об этом еще рано говорить. Я хотела бы получить его карту не позже следующего понедельника. Большое спасибо.

Бросила трубку на рычаг и вновь обессиленно откинулась на спинку кресла. Братишка... Ну и ну! Какой-то граф Дракула с манией величия.

По пути домой, шагая по мокрым после осеннего дождя тротуарам, она вдруг вспомнила, как вместе с той же Ольгой, будучи уже десятиклассницами, но по-прежнему оставаясь наивными дурочками во всем, что касалось секса, они тщетно пытались докопаться до смысла некоторых общеупотребительных слов. В конце концов Ольга не выдержала и пришла с этим к единственному человеку, который (это она знала точно) не стал бы смеяться над ней, – к своему младшему брату. Молчаливому подростку с богатым внутренним миром. «Эрекция, оргазм, минет, – перечисляла она, загибая пальцы. – Что означают эти слова?» Братец остолбенел, но быстро пришел в себя. Усадил ее на стул и буквально за две минуты с предельной прямоотой и ясностью растолковал ей, что к чему. Его четкие, безжалостные формулировки не оставляли места сомнениям. Пристыженная сестренка моментально все поняла.

* * *

Ольга заливалась счастливыми слезами и благодарила так, как будто смертный приговор, вынесенный ее брату неделю назад, только что заменили пожизненным заключением.

– Для начала ему предстоит пройти довольно-таки серьезное клиническое обследование, – говорила Рита, плечом прижимая трубку к уху и одновременно помешивая в кастрюльке овощное рагу. – Рентген, анализы, консультации... чтобы мы были уверены в том, что он нуждается именно в психоаналитическом лечении. Некоторые органические нарушения могут сопровождаться симптомами, аналогичными тем, что демонстрирует твой брат. И если на этом этапе он не сбежит...

– Не сбежит, – клятвенно заверила Ольга. – Я ему не позволю.

– Может быть, с твоего позволения он спустил в унитаз все таблетки, прописанные предыдущим специалистом?

– Ритусик, – сказала Ольга проникновенным голосом. – Я все понимаю. Он тварь и сукин сын. Но ты хотя бы попробуй, ладно? Бросить же можно в любой момент.

Это было не совсем так. Вернее, совсем не так. Но спорить Рите не хотелось.

– Что ты меня уговариваешь? Я уже согласилась. Уговаривать надо его, а не меня.

...при неврозе имеют место две противоположные тенденции, и одна из них является бессознательной.

Полулежа на диване и краем глаза поглядывая на экран телевизора, она продолжала размышлять о своих проблемах. Этот мужчина, в отличие от многих своих братьев по разуму, вызвал у нее симпатию и, как следствие, желание помочь. Но согласится ли он принять ее помощь? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: он ей не доверяет. Считает ее всего лишь женщиной. Всего лишь... Это вечное превосходство самца! Однако стоит только жизни взять за горло, и все они моментально бегут к мамочке. К той самой Великой Богине – Инанне, Кибеле, Исиде, – которая породила их и возлюбила и которая оплачет их в последний день. Они приползают к подножию ее трона, сыновья и любовники, и молят вернуть им силу, утраченную в результате пренебрежительного отношения к фундаментальным законам человеческого бытия.

...патогенный конфликт, хотя и опирается на личную историю, в то же время отражает и проблему общечеловеческую, так как отсутствие единства с самим собой является признаком человека культуры. Невротик – лишь особый случай человека, который находится в разладе с самим собой и должен найти баланс между природой и культурой.[1 - К.Г. Юнг. О психологии бессознательного.]

Неожиданно она вспомнила Кальмара, Колю Панкратова, мальчика из параллельного класса, жившего в том же подъезде, что и Ольга, но выше этажом. Мальчик этот, разумеется, давным-давно превратился в бородатого дядю с залысинами на висках, но в школьные годы... С Ольгой они обменивались журналами, кассетами, пластинками и вообще неплохо ладили. Теоретически он мог быть знаком и с ее младшим братом.

В одной из старых записных книжек сохранился номер его телефона, но некоторое время Рита колебалась. Вспомнит ли он ее? Столько лет, столько зим... С другой стороны, она же его не забыла. Мало того, пока она не переехала с Ботанической улицы на Большую Марьинскую, они периодически встречались во дворе, здоровались и даже останавливались поболтать.

Ладно, звони. Не узнает, так не узнает. Подумаешь, дело великое.

И она позвонила.

Все опасения оказались напрасными. Кальмар узнал ее, обрадовался и ничем не выдал своего удивления. Он по-прежнему проживал в той же самой квартире вместе со своей старенькой мамой, а бывшую жену с дочерью навещал по выходным. «Сколько дочке?» – «Да вот, пошла в третий класс». – «Почему расстались?» – «А черт его знает! Почему люди расстаются?..» Рита с грустью выслушала эту банальную историю, немного рассказала о себе и наконец задала интересующий ее вопрос.

– Строганов? Гришка? – Кальмар добродушно хохотнул. – Он монстр. Дико талантлив. Но не без причуд.

– Что это значит?

– Есть мнение, что многое из того, что описано в его книгах, он проверял на себе. Он по жизни экспериментатор, ясно? Никогда не пишет о том, чего не знает. Вроде как Шульгин со своим экстази. Только Шульгин экспериментировал с химией, а Строганов – со стрессовыми ситуациями. Цель одна и та же – преодоление границ обыденного сознания.

– Или адреналин?

– О! Ты понимаешь.

Пламя жизни...

Позже, взбешенный ее пронизательностью и уже готовый отказаться от дальнейшего лечения, Грэм скажет: «Я здесь, потому что на этом настаивала моя сестра. В последнее время на нее навалилось столько всего, что мне не хотелось огорчать ее отказом».

«Надо ли понимать это так, что, приезжая сюда два раза в неделю, вы делаете ей одолжение?»

«Именно».

«Бессонница, кошмары, фобии... А самому вам разве не хочется избавиться от этих симптомов?»

«Зачем?»

«Но ведь они влияют на качество жизни. По-вашему, это не имеет значения?»

«Ничто не имеет значения».

«Почему же?»

«Потому что все мы умрем».

Глава 3

Ближе к концу недели позвонил Костик Валеев из отделения неврологии.

– Маргоша, я по делу. Строганов – это твой?

– Мой.

– Ага... Тогда давай посоветуемся.

Рита тяжело вздохнула и приготовилась выслушать жалобы на капризы и плохое поведение пациента. Ничего подобного. Грэм вел себя образцово, выполнял все указания медиков и обнаруживал искреннюю заинтересованность в результатах обследования. Однако...

– Парень обладает паранормальными способностями, – сообщил Костик, смакуя это как сладкий леденец. – Ты об этом знала?

– Это что, – растерялась Рита, – ясновидение?

– В том числе феномен ясновидения, да. В околوناучных кругах это принято называть сверхчувственным восприятием.

– Этого только не хватало, – пробормотала она, без сил опускаясь в кресло. – Ты уверен?

– Зайди ко мне после обеда, – предложил Костик. – Сама убедишься.

– У тебя есть его ЭКГ?

– Да, и не только. Мы погоняли его по всем кругам нашего местного маленького ада, так что на сегодняшний день располагаем более чем исчерпывающей информацией об устройстве его мозга.

Рита посмотрела на часы. Без четверти два. Что ж, пообедать можно и после. Через десять минут она уже сидела в кабинете К.Н. Валеева, кандидата медицинских наук, и с умным видом перебирала бумажки с многочисленными записями и диаграммами, которые были ей понятны от силы на треть.

Они в самом деле погоняли Грэма по всем кругам своего неврологического ада: компьютерная томография, доплерография сосудов головного мозга (он же жаловался на мигрени), электроэнцефалография, транскраниальная магнитная стимуляция и даже специальное исследование ноцицептивного флексорного рефлекса – уровня болевой чувствительности на импульсное электрическое раздражение.

– Парень с ходу определяет, кто из находящихся в комнате болен, а кто здоров, – бубнил Костик, не давая ей сосредоточиться, – кто сыт, а кто голоден... у кого из женщин месячные, а у кого менопауза... Кроме того, он не поддается гипнозу и способен волевым усилием изменять частоту своего пульса.

– А сигареты он без огня не зажигает?

– Смейся, смейся... Хочешь знать, что было во вторник? С чего начались все эти песни и пляски вокруг твоего голубчика? В лаборатории, во время забора крови, он сидел в какой-то странной дреме, так что Юльке приходилось то и дело повторять «откройте глаза», «откройте глаза», а потом вдруг очнулся,

посмотрел на Тамару и говорит: «Позвоните домой. Немедленно».

Представляешь? Ну, Тамара – она ж баба-зверь, ее ничем не проймешь – поначалу только посмеивалась: ишь, как мужика под иглой-то колбасит, но чуть погодя под нажимом общественности все ж не утерпела и помчалась звонить. И знаешь, что оказалось? Старенькая бабушка, с которой она обычно оставляет свою Оксанку, поставила на газ кастрюльку с водой, а сама ушла в комнату, прилегла на диван и задремала. Вода закипела, начала плескаться через край и в конце концов залила конфорку. Огонь погас, а газ, как ты сама понимаешь, продолжал сифонить. Ну вот: бабуля спит, ребенок спит, а кухня мало-помалу наполняется газом. Кухня, коридор, комнаты... Короче, если бы Тамара своими упорными звонками не перебудила весь дом, к вечеру мы имели бы парочку трупов. Ну-с? Что скажете, мадам Зигмунд Фрейд?

– Фантастика. Он это как-то объяснил?

– Вряд ли он смог бы это сделать, даже если б захотел. А он не захотел. Полежал чуть-чуть на кушетке, потом его отправили в столовую завтракать, а потом уже к нам. Проходя вместе с ним по коридору, я предложил ему определить, в каких палатах находятся женщины, а в каких мужчины. Он сделал это без труда, хотя все двери были закрыты.

Рита поежилась.

– Еще что-нибудь?

– Мы надели на него шлем, включили аппарат и попросили еще раз войти в то же трансовое состояние, в каком он пребывал во время своего «кровавого» пророчества. Он попробовал, но у него не получилось. Наверно, устал. Зато получилось на следующий день.

– И вам удалось снять показания с приборов как раз в тот момент...

Костик кивнул.

С большим трудом Рите удалось справиться с волнением. Она прислушивалась ко всем этим формулировкам – высокоамплитудная гиперритмичная активность, усиление межполушарной асимметрии мозга с резким преобладанием активности правого полушария над активностью левого – и пыталась

представить, что за этим стоит. Какие сугубо человеческие страсти и страдания. Среди прочего были отмечены усиление кровоснабжения мозга, миорелаксация, повышение когерентности ЭЭГ, как во время эпилептических припадков... Экстремальное состояние сознания. Но каким образом переживает его сам испытуемый?

– Он с легкостью вошел в транс?

– М-м... я бы не сказал. Для этого ему пришлось сделать себе надрез на запястье.

– Что? – Рита напряглась.

– Что слышала, – печально усмехнулся Костик. – Мы не успели его остановить. Но не волнуйся, – успокаивающе добавил он. – Ранка получилась совсем пустяковая. Ее сразу же обработали и наложили повязку.

– Но кровь! Ему потребовалась кровь. Понимаешь, что это значит?

– Да. Где-то в этих перекошенных мозгах застряла большая заноза.

Хуже всего, что он сам знал, что делать. Пролитая кровь – состояние транса. Судя по всему, эта фатальная связка оказалась закрепленной уже очень давно.

– Ох... а мне с ним работать!

– Советую отказаться от этой затеи, – отозвался Костик очень серьезно. – Таких людей лучше не трогать.

Как будто она сама этого не знала!

– Надо, по крайней мере, заставить его есть. А то ведь ноги протянет.

Костик скептически улыбнулся:

– Да, вчера я имел счастье наблюдать, как он под присмотром Татьяны Степановны впихивает в себя овсянку.

– И что овсянка? Прижилась?

– Да вроде бы.

Понурая и полная зловещих предчувствий, Рита возвращалась к себе на третий этаж. Там (она знала почти наверняка) ее уже дожидалась эта парочка, мама с дочкой. Отчаянно молодящаяся мамаша, которой недавно удалось заполучить в мужа третьеразрядного актера, пригодного разве что для малобюджетных фильмов и тошнотворных отечественных сериалов, но отличающегося при этом чудовищно завышенной самооценкой, и девочка-подросток со всеми признаками раннего полового созревания. Девочка заходила в кабинет, а мамаша с большой неохотой оставалась снаружи. Будь ее воля, она бы сама объяснила этой непонятливой женщине-психиатру, в чем, собственно, заключается проблема и как ее следует решать, а так приходилось торчать по целому часу под дверью, теряясь в догадках, какие еще скелеты милостью ее несовершеннолетней дочери появятся из семейного шкафа на этот раз.

Девочка посещала аналитика на протяжении четырех месяцев, пересмотрела многие из своих первоначальных невротических установок и сейчас была сильно расстроена и даже напугана внезапным решением матери прервать лечение. Рита вспомнила ее молящие глаза, стиснутые на коленях руки.

«Маргарита Максимовна, сделайте что-нибудь. Поговорите с ней. Я больше не могу так жить».

«Я уже говорила с ней, Жанна».

«Почему она мне не верит?»

«Потому что не хочет верить. Потому что боится потерять этого мужчину. Потому что женское начало в ней сильнее материнского».

«То есть его она любит больше, чем меня?»

«Это не одно и то же – любить мужчину и любить ребенка. Твоя мать хочет иметь и то и другое. Она не намерена отказываться от него ради тебя».

«Вы правда ничего не можете сделать?»

«Боюсь, что нет. Пойми, Жанна, я врач, а не волшебник. Я не могу изменить чью-то жизнь, тем более когда сам человек этого не хочет. Я могу только указать, где и когда он оступился».

«Что вы мне посоветуете?»

«Бороться. Бороться изо всех сил. Не уступать, даже если это потребует от тебя гораздо больше усилий, чем ты предполагала».

А тут еще писатель с выраженной правополушарной активностью! Причем в его случае нельзя даже заподозрить латентный психоз, чтобы под этим предлогом отказать ему в терапии – пациенты с подобными нарушениями, как правило, выглядят совершенно нормальными людьми (чересчур нормальными!). Этот же и выглядит ненормальным, и ведет себя соответственно. И когда в процессе анализа начнется постепенный перевод в сознание многих бессознательных содержаний, кто знает, что поднимется из этих темных глубин, какой хтонический монстр.

* * *

Она старалась не думать о своем новом пациенте до тех пор, пока он не переступит порог ее кабинета, но в понедельник с утра от Штеймана принесли его медицинскую карту с результатами всех обследований, и поневоле пришлось уделить этому время и внимание.

Раз за разом она перечитывала заключения кардиолога, гастроэнтеролога, офтальмолога и прочих, прочих. Патологии не выявлено... не выявлено... не выявлено... Самым слабым звеном, как и следовало ожидать, оказалась голова. Что ж, может, это и к лучшему. Во всяком случае, теперь не придется постоянно напоминать себе о возможных обострениях какого-нибудь хронического заболевания. К тому же она наконец выяснила, сколько ему лет – тридцать три. Возраст Христа. Самое подходящее время для того, чтобы слететь с катушек.

...симптомы невроза – это не только следствия возникших однажды в прошлом причин, но также попытки какого-то нового синтеза жизни, увы, неудачные,

которые тем не менее не лишены внутренней ценности и смысла.[2 - К.Г. Юнг. О психологии бессознательного.]

И вот он сидит в том же самом кресле. Вид немного утомленный, но он и раньше-то не выглядел человеком отменного здоровья, а после недели непрерывного общения с медперсоналом...

Однажды, стоя у окна, Рита случайно увидела его в тот момент, когда он покидал здание клиники. За воротами его ожидала машина, большой черный «мицубиси». В своем распахнутом длинном плаще и мятых черных брюках он быстрым шагом пересек площадь перед парадным входом, подошел к машине, уселся на пассажирское сиденье и был таков. Кто его подвозил? Приятель? Подружка?

Некоторое время они присматривались друг к другу, словно виделись впервые. Рита поймала себя на том, что опять мысленно восторгается блеском и густотой его темных волос, грацией движений, легкой небрежностью в одежде.

– Знаете, – он коротко зевнул, прикрыв рот ладонью, – после того как вся эта орава народу целую неделю билась надо мной в надежде отыскать у меня хоть какое-нибудь неизлечимое заболевание, я даже чувствую себя неловко из-за того, что оказался так нагло и вопиюще здоров.

Сегодня он был в костюме, но без галстука. Пуговица на воротничке рубашки расстегнута, манжеты на сантиметр выглядывают из-под рукавов пиджака. Дорогой костюм, дорогие часы... немного роскоши для того, чтобы чувствовать себя на высоте.

– Я рада, что вы здоровы, Грэм. Думаю, мы можем приступить.

– С чего же начать? С детских фантазий? Со сновидений? Честно говоря, я совершенно не представляю, как себя вести. Как убедить себя в том, что я на приеме у врача, и в то же время не впасть в соблазн опьянения собственными несчастьями. Женщина-врач. Не помню, чтобы я хоть раз оказывался в таком положении.

– Прежде всего постарайтесь не смотреть на меня как на сексуальный объект.

– С чего вы взяли, что я это делаю? – осведомился он довольно грубо.

– А разве нет? Вы ведь охотник, Грэм. Вы охотитесь за ощущениями, за впечатлениями. За новизной, что бы ни стояло за этим словом.

Смотрит в упор. Не знает, что сказать.

– Вы не против, если я пересяду?

– Пожалуйста.

Как и следовало ожидать, он перебрался в кресло, стоящее у стола. Смелый шаг. Но именно смелость им сейчас и требовалась. Им обоим. Вблизи стали заметны мелкие морщинки в углах его глаз, проколотые мочки ушей, в которых когда-то, очевидно, красовались серьги... Его кожа не была смуглой от природы, просто за лето он успел немного загореть.

– Вы пишете по-английски?

– Да.

– А думаете?

– Когда работаю над книгой, то и думаю по-английски. Но только в том случае, когда мои размышления касаются сюжета или характера действующих персонажей. Когда же возникает необходимость вернуться к реальности, например, сходить в магазин, мозг автоматически переходит к русскоязычной версии программы.

– Это дается вам без труда?

– Поначалу было трудновато, лет приблизительно до шестнадцати. Но я достаточно серьезно занимался языками, сперва английским, потом французским и немецким, так что со временем это перестало быть проблемой.

– Вы хорошо спали этой ночью?

– Да, если не считать того, что заснул я около четырех, а проснулся в восемь.

– Для вас это нормально?

– Трудно сказать. Я давно не придерживаюсь строгого распорядка дня.

– Вы видели сон?

Грэм отвлекся от созерцания фигурки вепря из черного обсидиана, которую Рита использовала в качестве пресс-папье, и уставился ей в лицо. Неожиданно для себя она обнаружила, что выдержать его взгляд не так-то просто.

Паранормальные способности... Ладно, будем надеяться, что мыслей он не читает.

– Я понимаю, вы должны были спросить. Да, видел. И надо признаться, это был очень странный сон.

– Расскажите.

– Я спускался по лестнице.

– Спускались? Не поднимались?

– Спускался. Сверху вниз. – Он указал пальцем. – И там, куда я спускался, было очень темно. Непроглядный мрак. Я шел довольно долго, в руке у меня была свеча, но в конце концов она погасла, и я продолжал двигаться на ощупь, держась за стены. – Он моргнул и вновь перевел взгляд на обсидианового вепря. – Мне было страшно. Но я шел и шел, потому что знал – откуда это знание? – что там, внизу, меня ждут.

– Люди? Или один человек?

Он тут же повернулся к ней.

– Вы.

Рита не шелохнулась. Его сон был настолько прозрачен (если только он не придумал его прямо сейчас), что толкований не требовалось. Спуск в преисподнюю, во мрак бессознательного – то, чем ему предстояло заняться.

– Я шел вперед, пока не почувствовал, что ступени закончились и я стою на горизонтальном полу. Вы были где-то неподалеку, но я вас не видел. Тогда я попытался позвать...

– Во сне вы произнесли мое имя?

– Не знаю. Возможно, мне приснилось, что я его произнес.

– Что было дальше?

– Вы не отозвались.

Рита немного подождала. Но он молчал.

– И тогда?..

– Я понял, что ни за что не найду вас в такой темноте, но все же решил предпринять еще одну попытку и даже сделал шаг вперед, как вдруг в меня вцепились чьи-то пальцы. Очень сильные и холодные. Я рванулся – безрезультатно. При мысли о том, что я могу остаться там навсегда и кто-то, возможно, именно этого и хочет, меня захлестнула волна такого дикого ужаса, что я проснулся. Кажется, я даже закричал... а может, нет.

– У вас бывают повторяющиеся сновидения?

– Редко.

– И все же бывают?

– Да. Несколько лет подряд мне периодически снилось, что я убиваю свою жену. Потом она покончила с собой и избавила меня от этой необходимости.

– И сны прекратились?

– Сразу же.

– Грэм, вы любили свою жену?

Прежде чем ответить, он долго молчал.

– Я должен говорить правду, не так ли?

– Да, если не хотите платить деньги за одно только удовольствие видеть меня.

Он чуть усмехнулся:

– Браво, доктор.

– Можете называть меня по имени – Маргарита.

Молчание, и затем:

– Нет, я ее не любил. Вернее, любил, но такой любовью, которая, по сути, является очень сильным эмоциональным переживанием, сродни аффекту. А когда это прошло (надо сказать, довольно быстро, ведь ничто так не отрезвляет пылких любовников, как совместная жизнь), возникла взаимная неприязнь. Что-то ушло, значит, что-то должно прийти, не так ли? Изгоняешь одного беса, на смену ему приходит легион.

– Эти сновидения пугали вас?

– Скорее, озадачивали. Какое-то время я всерьез задавался вопросом, не значит ли это, что мне нужно прикончить ее наяву. Сновидения... Довольно загадочная штука, вы не находите? Они возникают спонтанно, без сознательного участия человека, и в сущности представляют собой непроизвольную психическую деятельность.

Пациент-интеллектуал, нахватавшийся специальных терминов. Да, дорогуша, ты еще хлебнешь с ним горя. Но пути назад уже нет. Как сказала Ольга: у него совершенно расстроены нервы. Человек с расстроенными нервами неизбежно сталкивается с проблемой адаптации. Он теряет ориентиры, а вместе с ними и способность адекватно реагировать на происходящее. Он не спит, не ест... Только сочиняет с утра до ночи свои неподражаемо жуткие, леденящие кровь истории. Работает как одержимый. Временами на него накатывают волны необъяснимого ужаса, и в такие минуты он не может находиться дома один. Он хватается пальто и выскакивает на улицу, где люди, а потом до утра бродит по улицам и мостам через каналы, напоминая неприкаянных нелюдей из рассказов Мэнли Уэйда Веллмана.

– В детстве вы часто видели сны?

– Постоянно. И очень рано начал их записывать. У меня были целые стопки тетрадей... – Грэм скорбно улыбнулся, покачав головой. – Они хранились в коробке под моей кроватью, пока добрейшая бабушка не отыскала их там и не отправила на помойку. Это была большая потеря для десятилетнего ребенка. Тогда-то я и решил, что в один прекрасный день сяду и напишу целую книгу (а может, и не одну) о том, что происходит ПО ТУ СТОРОНУ сознания. И не только напишу, но и заставлю все грамотное население планеты это читать. – Он улыбнулся шире. – Как видите, у меня получилось.

– Вы помните, когда и при каких обстоятельствах у вас впервые возник интерес к ТОЙ СТОРОНЕ?

– Боюсь, что нет. Видимо, он существовал всегда. Откуда берутся все эти образы, из которых складываются фантазии? Кто наделяет вымышленных женщин и мужчин характером, силой, темпераментом? Кто одушевляет их до такой степени, что они становятся почти живыми? Совершают поступки, отстаивают свою точку зрения. Откуда они приходят и куда уходят? Кто хозяин этого параллельного мира, и как мне туда попасть? В чем секрет?

– Вы делились с кем-нибудь своими соображениями по этому поводу? С родителями? С сестрой?

– Нет. Вернее, пробовал, но меня никто не понимал. Обнаружив, что любые разговоры на эту тему не вызывают у родителей ничего, кроме беспокойства и

раздражения, я прекратил расспросы.

– Вы чувствовали привязанность к своим родителям?

– Вероятно. Как все дети.

– Я хочу уточнить: достаточно ли хороши они были для вас? Можете ли вы сказать, что вам повезло с родителями? Да или нет?

Несколько секунд он осмысливал вопрос, потом медленно покачал головой:

– Нет.

– Кажется, только что вы сделали одно очень неприятное открытие, – заметила Рита, не переставая следить за ним. – Не страшно. Не стоит застревать на одном месте, Грэм, давайте двигаться дальше.

Он машинально кивнул. По его лицу она догадалась, что до сегодняшнего дня он старательно избегал каких бы то ни было размышлений на эту тему – как раз потому, что привитое традиционным воспитанием уважение к родителям отнюдь не мешало ему в глубине души придерживаться убеждения, что он родился не в то время и не в том месте. Теперь, когда все это неожиданно всплыло на поверхность, он чувствовал себя как маленький мальчик, чей тайник под кроватью случайно обнаружила няня.

Однако нужно было не наслаждаться его замешательством, а немедленно прийти на помощь, иначе – уж в этом-то Рита ни капли не сомневалась – он не появится здесь больше никогда.

– Я знаю, недавно вы потеряли родителей. Возможно, в связи с этим некоторые из моих вопросов кажутся вам бестактными. Прошу меня извинить. Однако вам следует помнить, что у нас здесь не просто разговор за чашкой кофе, а сеанс психотерапии, который никогда не проходит безболезненно.

– О'кей. Я готов продолжать.

– Что именно в ваших родителях не устраивало вас больше всего? Их пугали ваши фантазии, это понятно. Они не могли дать ответов на занимавшие вас вопросы. Что еще?

– Так сразу и не скажешь. Все в целом, вероятно.

– Это чересчур расплывчатая формулировка, и так мы далеко не уедем. Они пытались контролировать каждый ваш шаг или, наоборот, предоставили вам полную свободу? Следили за вашей успеваемостью в школе? Интересовались, где и как вы проводите досуг?

– Естественно, они пытались меня контролировать, но это удавалось им лишь до тех пор, пока я не вышел из младшего школьного возраста. В дальнейшем это стало невозможно. Подобно большинству мальчиков из хороших семей, я очень рано овладел искусством виртуозного вранья, что позволяло мне в известном смысле жить двойной жизнью.

– А до того, как вы вышли из младшего школьного возраста и научились защищаться от вторжений в свое личное пространство, этот контроль извне сильно вас тяготил?

– Довольно сильно.

– Какую форму он принимал? Вас доставали нравоучениями? Лишали невинных удовольствий?

– Главным образом доставали нравоучениями. Господи, да я прямо вижу эту картину: я стою посреди комнаты, а передо мной на диване расположились все мои родственники с видом присяжных заседателей. Я кругом виноват, и теперь мне предстоит выслушать очередную порцию галиматии от каждого из них. Это было и грустно, и смешно. Восхитительно серьезные и непоколебимо уверенные в собственной правоте, они часами упражнялись в красноречии, мне же надлежало молчать и, стоя как истукан, смиренно внимать каждому слову, изредка кивая головой в знак того, что считаю все претензии обоснованными.

Он возвел глаза к небесам и театрально вздохнул. В выражении его лица появилось что-то дьявольское, что-то неуловимо порочное.

– Телесные наказания?

– О нет, что вы. Для этого они были слишком интеллигентны.

– В вашем голосе слышится сожаление.

– Потому что теперь, по прошествии многих лет, я смотрю на это иначе.

– Что вы имеете в виду?

– То, что многие из моих поступков действительно заслуживали наказания. И лет до восьми или девяти такая перспектива казалась мне весьма устрашающей, хотя и не могла заставить меня всерьез пересмотреть свое поведение. Я всегда был, как выражалась моя бабка, строптивым мальчишкой.

– Вы этим гордитесь?

– Сейчас уже в меньшей степени, чем тогда.

– Что же заставляло вас опасаться наказания, которое, как вы сами только что признались, так ни разу и не последовало?

– Рассказы приятелей, разумеется. Менее изнеженных и избалованных мальчишек, чем я.

– Слушая их, вы не испытывали возбуждения?

– Сексуального? Подобного тому, какое испытывал старина Руссо? – Он слегка оскалился, на долю секунды вновь сделавшись похожим на голодного волка... или на вервольфа. – Нет. В то время еще нет. Я на полном серьезе побаивался, потому что не знал, как в этом случае следует себя вести: в чем каяться, что обещать, словом, к какой прибегнуть лжи, ведь в любом случае я не собирался становиться другим. Даже под угрозой самого сурового наказания.

– Вы много думали об этом?

– Не слишком. Гораздо больше меня интересовали другие вещи: загадка притягательности всех без исключения существ противоположного пола, даже самых вредных и капризных; ночная возня родителей в спальне за стеной... Зачем им вообще такая громадная общая кровать? И почему это им позволено спать вместе, а нам с сестрой нет? Почему, когда Ольге становится страшно после просмотра какого-нибудь фильма, и она в ночной рубашке забирается ко мне в постель, нас тут же с криками разгоняют по местам? «Как не стыдно!» – слышали мы в такие минуты от бабки и от матери. А чего нам следовало стыдиться?

– В семилетнем возрасте вы уже задумывались о таких вещах?

– Конечно. А вы?

– Речь не обо мне, Грэм.

– Прошу прощения. Только не говорите мне про трансфер и тому подобную чепуху. Мне все равно не удастся забыть о том, что я мужчина, а вы женщина. Более того, я готов признаться прямо сейчас, что считаю вас очень интересной женщиной. Надеюсь, вы не расцениваете это как личное оскорбление?

Рита спокойно встретила его взгляд. О, как же это было непросто! Глаза визионера... Тот, кто сказал, что глаза – это зеркало души, никогда не встречал человека с глазами Грэма Мастерса.

– Ни в коем случае. Однако мы собрались здесь не для того, чтобы оценивать сексуальную привлекательность друг друга, а чтобы проделать определенную работу. И наша цель – не банальная интрижка, а возвращение вам утраченного душевного равновесия. – Она немного помолчала. – Быть может, вы предпочитаете иметь дело с психотерапевтом-мужчиной? Если да, то скажите об этом прямо сейчас, а я обещаю не расценивать это как личное оскорбление.

– Звучит заманчиво. – Откинувшись на спинку кресла, он смотрел на нее с легким прищуром, сонным и в то же время заинтересованным взглядом. – В этом случае, я полагаю, уже ничто не мешает нам подумать о банальной интрижке.

Рита молчала. Ей было ясно, что Грэм провоцирует ее, что в настоящий момент им руководит простое желание отплатить ей за то минутное замешательство,

которое он испытал, услышав вопрос о родителях. Да, отношения явно не складывались. И хотя ей давно уже следовало привыкнуть к мысли, что первый сеанс никогда не бывает плодотворным, откровенная враждебность некоторых пациентов неизменно расстраивала ее.

– Как вам кажется, тот, кто схватил вас в подzemелье, действительно хотел, чтобы вы остались там навсегда? Или наоборот, хотел заставить вас повернуть обратно? Напугать и таким образом помешать вам двигаться вперед.

– Скорее, помешать мне двигаться вперед, – ответил он сразу же, хотя до этого утверждал обратное.

– И кто же это мог быть?

– Мои предрассудки, очевидно.

– Предрассудки в отношении меня. Вы не считаете меня опытным врачом, способным помочь вам справиться с вашими затруднениями. Я права?

Настал его черед держать смертоносную паузу. Держать ее, точно рукоять меча, которая под действием чар нагревается прямо в ладони. Держать до судорог, до скрежета зубного... И он справился с этим блестяще. Ни минутой больше и ни минутой меньше.

Слабая улыбка, подчеркнуто снисходительный тон.

– Да. Но, возможно, вам удастся доказать мне обратное.

Поединок с пациентом... О, как бы посочувствовал ей профессор Циммерман, ее духовный наставник и научный руководитель! Впрочем, это еще не самое худшее. Дать втянуть себя в манящий сумрак бессознательного, разыграть драму сопричастности – вот самая кошмарная, самая непоправимая из ошибок, которые способен совершить психотерапевт.

И она совершит ее позже – увы, увы! Опасное очарование этого ущербного и в то же время невероятно харизматичного человека окажется сильнее ее хваленного инстинкта самосохранения, и все случившееся шестью неделями позже (она

запомнила каждую из этих недель, каждый из этих дней), по сути, явится неизбежным следствием той первой и единственной (о, врачебное тщеславие!), но такой желанной ошибки...

Рита посмотрела на часы.

– Ваше время истекло. Вернемся к этому в четверг, если не возражаете.

Глава 4

Сколько лет должно пройти, чтобы все это забылось, ушло в небытие? Четырех явно недостаточно. А бывает такое, что не забывается никогда? Вот уж кошмар так кошмар! Его руки с переплетенными пальцами, расслабленно лежащие на коленях... те же руки, судорожно стискивающие подлокотник кресла... темные, запавшие от усталости глаза.

– Вы сейчас работаете над книгой?

– Я всегда работаю.

Бывало, он сразу садился в кресло напротив и оставался в нем до конца беседы; в другой раз мог расположиться поодаль, а потом внезапно пересесть. Рите не хотелось думать, что он играет с ней, на свой особый манер проверяет ее на прочность, но временами это предположение напрашивалось само собой.

– Итак, на чем мы остановились?

– На ваших детских страхах, одним из которых был страх перед наказанием.

– О! – Он на мгновение задумался. – Не думал, что вы это запомните.

– Я запоминаю все, что говорят мои пациенты. Иначе в наших беседах не было бы никакого смысла.

– Согласен. И так, страх. – Грэм медленно откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. – Я вообще много чего боялся. И в детстве, и в юности...

– Темноты?

– Нет. Темноты – никогда.

– Чего же?

– Уличных драк, к примеру. При этом меня нельзя было назвать хилым или болезненным. Я занимался спортом и был нормально развит для своего возраста.

– То есть в случае необходимости вы могли за себя постоять.

– В общем, да. И все равно боялся. Боялся, что такая необходимость возникнет.

– Вы боялись наказания за проступки – наказания, связанного с применением физической силы. Вы боялись уличных драк. Можем ли мы предположить, что все ваши страхи в конечном итоге сводились к одному – страху перед физической болью?

– Это очевидно. Но страх перед болью был не только страхом, вот в чем дело, но еще и... – Он улыбнулся и открыл глаза. – Соблазном. Понимаете, о чем я?

– Конечно.

– Я имею в виду ту разновидность боли, в которой присутствует эротический компонент. Эрос и Танатос. Да, я довольно рано сделал открытие, что эти явления взаимосвязаны. Любовь и смерть – и тому и другому сопутствует боль. Предсмертная агония – для всех тварей из плоти и крови. Родовые схватки, разрыв девственной плевы – для женщин. А для мужчин... ну, доктор, подскажите же мне! Придумайте что-нибудь.

– По-моему, вы не нуждаетесь в подсказках.

– Вы правы. Это обычное кокетство. Я всегда осознаю собственную правоту или НЕправоту.

– Пока что вы не сказали ничего нового.

Он снова улыбнулся своей особенной улыбкой, лукавой и рассеянной одновременно, которая делала его совершенно неотразимым. Скользя по губам подобно бледному лучику света, она мгновенно таяла, вызывая у собеседника смутное желание увидеть ее еще раз.

– Ах, что за удовольствие беседовать с врачами! Их невозможно шокировать. Простите, я отвлекся... О чем мы собирались поговорить?

– О вашем первом сексуальном опыте, если не возражаете.

– О самом первом? Или о первом настоящем?

– О том, с которого вам будет легче начать свой рассказ.

– Что ж, ладно. – Из кармана пиджака Грэм извлек пачку сигарет, вопросительно посмотрел на Риту и, когда она кивнула, придвинул к себе пепельницу и закурил. – Однажды в подростковом возрасте мне довелось побывать в так называемом пионерском лагере, слышали о таких? Туда замороженные родители могли сбить на время летних каникул своих до смерти надоевших отпрысков, чтоб те не болтались без дела по улицам и не учились плохому. Теперь это называется «летний лагерь труда и отдыха», этаким пережиток советских времен. Я оказался там в результате происков все той же бабки, которая считала, что тепличная атмосфера нашего дома отнюдь не способствует превращению мальчика в настоящего мужчину. В каком-то смысле она была права, но, боюсь, не в том, в каком сама полагала. Недостаток мужского воспитания – в этом она видела причину всех моих странностей, в том числе привычки фантазировать и пропускать мимо ушей большую часть ее бесценных рекомендаций. Короче, меня отправили в эту исправительную колонию для несовершеннолетних. Не буду утомлять вас подробностями, тем более что в итоге все сложилось не так плохо, как я ожидал. Конечно, мне, домашнему мальчику, пришлось в неравных боях отстаивать свое право на честь и достоинство – дети безжалостны, знаете ли, и вовсе не так невинны, как принято считать... Я делал это не очень умело, но с неизменным ожесточением, за что заслужил прозвище Больной. В этом смысле. – Он покрутил пальцем у виска. – Так я избавился от своих детских страхов. Хотя «избавился» – в данном случае не совсем правильное слово. Просто они перешли в другое качество. Я

опять не сказал ничего нового?

– Я жду от вас не новизны, а правдивого изложения фактов.

– И что же? Я достаточно правдив?

Рита натянуто улыбнулась.

– Прошу вас, продолжайте.

– Уверен, во всех этих летних лагерях творилось примерно одно и то же. Пока пионеры рисовали стенгазеты и разучивали патриотические песни, вожатые предавались пороку в своих крошечных комнатухах с тумбочкой и кроватью или в подсобках лагерного клуба. А по ночам... По ночам будущие комсомольцы тоже давали себе волю, с той разницей, что по причине юного возраста не всегда осмеливались довести дело до конца. В большинстве случаев все сводилось к очередной вылазке на вражескую территорию и безобидному бою подушками, плавно переходящему в неуклюжую молчаливую возню на измятом постельном белье.

– Вы тоже принимали участие в этих набегах?

– А как же. Мне тоже нравилась глупенькая, миловидная блондинка (постойте, как же ее звали?.. ах да, Вика), за которой волочились все мальчики старше двенадцати лет. Помню, как мы с приятелем впервые проникли к ним в спальню. Предвидя вторжение, чертовки забаррикадировались изнутри, придвинув к двери одну из кроватей, и, несмотря на распахнутое окно, чувствовали себя в полной безопасности. Первый этаж в здании был довольно высоким, но что это значит для пары долговязых подростков, в крови которых играют гормоны! Мы влезли практически бесшумно и, не долго думая, сдернули с них одеяла: я – со своей блондиночки, Серега – со своей рыжей. Что мы собирались делать дальше? Черт, да ничего особенного. Приятен был сам факт попрания каких-то норм и правил. Бунт против установленного порядка. Хотелось чего-то низменного, животного, какой-то мерзости и грязи. Что смотрите? Вам это не знакомо? Мы хотели ворваться в спальню этих надменных девственниц, которым вскоре предстояло превратиться в надменных шлюх, вытряхнуть их из накрахмаленных постелей и посмотреть, чем это, черт подери, они так гордятся, какое такое сокровище прячут под своими ситцевыми юбочками.

– У вас получилось?

– Более-менее. Конечно, было немыслимо заниматься сексом в таких условиях – девчонки перепугались, едва не подняли крик, тем более что в спальне их было не двое, а шестеро, – но нам удалось вволю потискать их, и это уже можно было назвать первым сексуальным опытом, разве нет?

– Безусловно. Что побудило вас искать подобных удовольствий, сопряженных с опасностью быть пойманными и переданными на суд администрации?

– Сама опасность, разумеется. Плюс половой инстинкт. Я же сказал, мне нравилась эта девчонка. Я мечтал дорваться до ее тела, сделаться на какое-то время диким и необузданным, как варвар, оставить на ее нежной шейке след своих зубов.

– Оставить след? Это интересно.

– Еще бы! К тому времени я уже достаточно насмотрелся на своих ровесников, да и на тех, кто постарше, тоже. Я заметил, что девочкам нравится чувствовать чужую силу. А мальчикам нравится демонстрировать свою силу. Совсем как в младших классах школы: если ты таскаешь девочку за косички, значит, ты в нее влюблен. Во всех случаях ключевым является слово «сила». Сила духа или сила мускулов... Я же не мог похвастаться ни тем, ни другим. Значит, следовало в срочном порядке обзавестись этими качествами или выходить из игры.

– И вы пришли за этим к девочке-подростку.

– А к кому же еще, господи боже мой? Да, я пришел к ней, и она дала мне все, в чем я нуждался. Все, в чем я нуждался и чего искал.

– Она сопротивлялась?

– Да, был такой момент. К счастью, все они оказались не такими дурами, как мы предполагали, к тому же им тоже хотелось поразвлечься, так что они не стали поднимать шум, хитренькие бестии, а сделали именно то, на что мы в глубине души и рассчитывали, – накинулись на нас вшестером и задали нам трёпку. И знаете, что самое интересное? После этого моя блондиночка так запала на меня,

что сама уже до конца смены бегала за мной как привязанная. Что вы на это скажете?

– Скажу, что ваше время истекло. Продолжим в следующий раз.

– Эй, так нечестно! – вскричал он тоном шутливого негодования. – Ответьте, или ноги моей здесь больше не будет!

– Я отвечу вам, Грэм. Но не сейчас. В понедельник.

Дома, лежа в холодной постели (гладкие шелковистые простыни цвета лососины, кружево ручной работы – жалкая попытка сделать свои ночи романтичнее), она мысленно прокручивала в голове детали состоявшейся беседы. Этот пациент с самых первых дней занимал лидирующую позицию в ее личном хит-параде невротиков. Не то чтобы из-за него она стала явно пренебрегать остальными (она была профессионалом и никогда не позволяла себе ничего подобного), однако он был единственным, кто занимал ее мысли даже в свободное от работы время, а это являлось пусть не симптомом, но предупреждением.

О своих детских впечатлениях он рассказал достаточно, это не вызвало у него никаких затруднений, из чего Рита сделала вывод, что его детство в общем и целом можно назвать счастливым. Никто не запрещал любознательному и впечатлительному ребенку заниматься тем, чем ему нравилось (а нравилось ему в основном разглядывать разные взрослые книжки с красочными репродукциями из дедовой библиотеки да бродить по большому сумеречному саду, окружающему дедов же загородный дом, где семья имела обыкновение проводить лето), рисовать красками и цветными мелками, лепить из глины (дед, как выяснилось, был скульптором, причем довольно известным), а позже исписывать горы тетрадей в тщетных попытках выразить невыразимое. Впечатления от этого, а также ИНОГО мира. Где он располагался, это мир, такой реальный для него и недоступный для окружающих? Никто из взрослых не мог дать ответа на этот вопрос. И никто не пытался вторгнуться в этот странный, неведомый мир, где маленький мальчик чувствовал себя как дома, за что Грэм был им безмерно благодарен. Похвальная родительская деликатность (бабушку, уничтожившую заветные тетрадки, в счет не берем) привела к тому, что он довольно рано осознал свою непохожесть на других детей – то самое, что при первой же встрече Рита назвала знаком избранности. Грэм знал это, да. Он был отмечен с раннего детства.

Итак, о детстве он говорил свободно, но стоило вступить в сексуальную сферу, моментально забуксовал. Рита привыкла к такой реакции со стороны пациентов-мужчин, поэтому постаралась сразу же растолковать ему, что и как.

«Это всего лишь часть работы, Грэм. Не главная, но необходимая. И чем меньше вам хочется этой работой заниматься, тем больше у меня оснований настаивать. Обойдя вниманием эту сторону вашей жизни, мы сведем на нет все усилия, как последующие, так и предыдущие».

«Насколько я понимаю, сейчас мы заняты поиском травмирующих обстоятельств, послуживших причиной невроза. Но искать их, поверьте, следует не здесь. Моя сексуальная жизнь в полном порядке. Если бы это было не так, я бы об этом знал».

«Ваша сексуальная жизнь в порядке – так подсказывает вам мыслящая часть вашего „я“, ваше сознание. Но ваше бессознательное, возможно, считает иначе».

«Объясните».

«Порой в процессе анализа выясняется, что травма, якобы ставшая причиной заболевания, в действительности послужила лишь толчком к проявлению эротического конфликта, ранее не осознаваемого. В этом случае травма утрачивает свое первостепенное значение, поскольку патогенным фактором оказывается вовсе не она».

«Но почему причиной невроза должен быть обязательно эротический конфликт?»

«Никто не говорит, что так должно быть обязательно, но чаще всего бывает именно так. Любовь включает в себя не только сексуальность. Все ее проблемы и конфликты имеют фундаментальное значение для человеческой психики. Гораздо большее, чем считает сам пациент».

Некоторое время он хмурился на здоровенный колючий цереус в керамической плошке, и Рита уже приготовилась выслушать очередную шутку о фаллических символах, на что неизменно пробивало всех оказывающихся в кабинете мужчин, но ничего подобного не произошло. Вместо этого Грэм вздохнул и задал тот

самый вопрос: «Итак, на чем мы остановились?»

Когда он протягивал руку, чтобы стряхнуть пепел с сигареты, рукав его пиджака приподнимался, увлекая за собой манжету рубашки, и становился виден металлический браслет, больше похожий на оковы, чем на украшение: массивные плоские звенья, запаянный раз и навсегда замок... Браслет был явно тяжеловат для узкого запястья. Символом чего он являлся? Кем и когда был надет?

Засыпая, Рита твердо решила в самое ближайшее время прочесть какую-нибудь из его книг.

* * *

– Прежде чем вы продолжите рассказ о ваших юношеских подвигах, мне хотелось бы прояснить один момент. Это касается вашей бабушки, той самой, что изъела из-под кровати некие рукописные шедевры, а позже настаивала на ссылке строптивого мальчишки в пионерский лагерь. Впервые упомянув о ней, вы назвали ее «добрейшая бабушка», в дальнейшем уже просто «бабка». Но и в том и в другом случае в вашем голосе слышался сарказм. Значит ли это, что со старшей женщиной семьи вас связывали какие-то особые отношения? Враждебность, скрытая неприязнь?

– Неприязнь, хм... Не совсем так. Она страшно баловала меня в раннем детстве, а потом ей вдруг захотелось, чтобы я стал героем. – Грэм пожал плечами. – С чего бы?

– А вы никогда не видели себя героем? К примеру, во сне.

– Смотря какой смысл вы вкладываете в это слово.

– Герой – это тот, кто совершает необыкновенные поступки, которые принято называть подвигами, во имя общезначимой цели, и таким образом превосходит пределы собственного бытия.

– О, так мы говорим о мифологии! Обо всех этих героях-полубогах вроде Геракла и Персея.

– О них в том числе.

– Должен признаться, что ни один из этих персонажей не казался мне до такой степени привлекательным, чтобы говорить об отождествлении. Разве что царь Иксион.

– Что? – Рита не сдержала изумленного возгласа. – Иксион, самый дерзкий из бунтовщиков! Гордец, соблазнитель... Очень интересный образ, но надо сказать, он редко фигурирует в художественной литературе и сновидениях. Давно вы заинтересовались им?

– Точно не помню. Впервые я прочел о нем... у Грэйвса, да. Затем у Юнга, Кэмпбелла, Камю. Хотя это не художественная литература, вы правы. Сновидения? – Грэм ненадолго задумался. Перевел на нее взгляд странно заблестевших глаз. – А знаете, ведь вы правы и в этом. Черт меня подери! – Он рассмеялся и всей пятерней взъерошил себе волосы, как мальчишка. – Я и думать забыл про эти чертовы сны!..

– Похоже, вам есть что сказать, – заметила Рита.

Его реакция на вернувшиеся из страны забвения сны была такой непосредственной, что она подумала: «Лед сломан». Но это было далеко не так.

Закурив сигарету, Грэм некоторое время обдумывал то, что собирался сказать.

– Была серия снов, очень ярких, повторяющихся с промежутком в несколько месяцев. В них я видел себя похищающим некую вещь (что это было, я так и не понял) у существ, которых с натяжкой можно назвать богами, а чуть позже, после целого ряда невнятных и сумбурных сцен, распятым на огненном колесе, как это было с царем лапифов.

– Позвольте уточнить. Что было раньше: сны о царе Иксионе или же книги о нем?

– Сны, причем как бы сильно они не различались в деталях, основными мотивами оставались похищение и распятие.

– Что же вы могли похитить?

– Понятия не имею. Огонь у богов, как известно, похитил Прометей, за что был не распят на колесе, а прикован к скале. Это большая разница, поскольку колесо...

– Не что иное, как катящийся по небу солнечный диск, – кивнула Рита. – Неплохая компенсаторная реакция! Чем вы занимались в то время? Этот период вашей жизни был отмечен какими-нибудь знаменательными событиями?

– Пожалуй. Мне удалось издать сразу два полноценных романа, и мое имя замелькало на страницах журналов и газет.

– Те существа, у которых вы похитили некую ценную вещь (назовем ее труднодоступным сокровищем, в соответствии с традицией), действительно были богами?

– Ну, что-то нуминозное в них определено было. Я имею в виду не внешний облик, а собственные ощущения от их присутствия. Но знаете, что меня удивляет? Абсолютное несоответствие классическому мифу. На колесе был распят Иксион, Зевс наказал его за посягательство на богиню Геру. Но я никогда не посягал на чужих жен! Я что-то украл, завладел, как вы говорите, труднодоступным сокровищем. Но был наказан не как Прометей, похититель огня, а как Иксион, похититель женщин!

– Для Зевса его супруга Гера является не только женщиной, но в каком-то смысле и собственностью. Иксион посягнул на чужую собственность, на божественную собственность! То же самое сделали и вы.

– ???

– Прометей похитил огонь не для себя, он похитил огонь для людей. Вы же похитили сокровище для себя лично. Следовательно, ваш поступок следует приравнять к поступку Иксиона, а вовсе не Прометея. Вы пожелали нечто для себя (нечто такое, что могут дать только боги), и царь Иксион пожелал нечто для себя – в результате вас постигла одна и та же участь. Мне очень жаль, Грэм, но в таких случаях расплата неизбежна.

– Собственность богов, – задумчиво пробормотал он, глядя в окно. – Огонь.

– Когда раскрылся ваш дар? – спросила Рита, заранее зная ответ. – Я имею в виду сверхчувственное восприятие. В детстве?

– Нет. – Грэм нахмурился и почему-то опустил голову, упорно избегая ее взгляда. – Как раз тогда, когда мне начали по-настоящему удаваться книги. Когда я поверил в собственные силы. Когда пришел успех.

– Ну что ж, вот мы и добрались до сути дела. Ваш дар и есть то самое сокровище.

– Но разве можно сказать, что я похитил его?

– А разве нет? Вы не прилагали для этого никаких усилий? С самого детства вы работали над собой, развивали свои способности, прислушивались к своему внутреннему голосу. Вы лепили из глины, рисовали, исписывали тетрадь за тетрадью – это, по-вашему, не работа? Вы ломались и ломались в эту дверь, и в конце концов она открылась. Вы вошли в нее – да-да, я знаю точно, что вошли! А ведь никто не говорил вам, что это безопасно.

– Выходит, каждый талантливый человек – похититель огня?

– В символах бессознательного – да. Несомненно. Боги, знаете ли, не отличаются альтруизмом и мало что жалуют просто так.

– А вы язычница, – заметил он с удовольствием.

Ее это не смутило.

– Все психиатры по большому счету язычники. Как вы думаете, почему практически вся психологическая символика основана на древнегреческой мифологии?

– Ну, Древняя Греция – это же колыбель современной европейской цивилизации.

– Верно. Ключевое слово – «древность». Мифологические содержания фантазий и сновидений свидетельствуют о том, что вы прикоснулись к самому древнему

слою бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы, так называемые архетипы.

– Если можно, подробнее.

– Вы образованный человек, Грэм, и наверняка слышали о том, что, помимо сознания и личного (индивидуального) бессознательного, существуют определенные базовые структуры мозга, единые для всего человечества. Это и есть коллективное бессознательное. Личное бессознательное содержит утраченные воспоминания, вытесненные нежелательные (травматичные) для субъекта переживания и все такое прочее. Коллективное бессознательное можно назвать хранилищем изначальных образов. Ваш сон, где вы разделяете участь царя Иксиона, построен отнюдь не на индивидуальном материале, он говорит на универсальном языке – языке мифа, – и мы вполне можем позволить себе, отыскав соответствующие параллели, выстроить весь контекст.

– Похоже, это самое коллективное бессознательное уже давно не является для вас Terra Incognita[3 - «Неизвестная земля» (лат.).].

– Напротив. Доктор Юнг постоянно подчеркивал, что не следует поддаваться иллюзии, будто истинная природа бессознательных процессов уже познана. Нам никогда не удастся продвинуться дальше определенной черты.

– Ладно, сдаюсь. Я и в самом деле недооцениваю вас, сам не знаю почему. Извините. А теперь, когда я низвергнут и растоптан, быть может, вы наконец объясните, что означают эти повторяющиеся сновидения?

Он признавал себя низвергнутым с той же высокомерной улыбкой, с какой говорил «но, возможно, вам удастся доказать мне обратное». Гнусный манипулятор!

– Сновидения не играют с нами в кошки-мышки. Они всегда говорят ровно то, что хотят сказать. Правда, мы не всегда понимаем их язык, но в данном случае это не очень трудно. Вы видели себя повторяющим судьбу Иксиона, стало быть, вы и есть Иксион. Та часть вашего драгоценного «я», которая доступна для обозрения, имеет вид талантливого и успешного писателя, весьма довольного собой и безжалостно высмеивающего любые попытки призвать его к благоразумию. Но тайная, невидимая часть, ваш темный двойник, ваше *sol*

nigredo[4 - «Черное солнце» (лат.) – алхимический термин, психологическое значение которого впервые раскрыл К.Г. Юнг в работе «Психология и алхимия».] – это царь Иксион.

– Гордец и соблазнитель, – медленно повторил Грэм ее слова. Покачал головой. – Так вот я каков...

– Не вы. Та часть вашей психе, которая отозвалась на идею присвоения божественной собственности с последующим распятием и таким образом активировала архетип. Однако следует помнить не только о преступлении и наказании, но и о том, что это было за наказание. Распятие на колесе – отнюдь не то же самое, что распятие на кресте. Надеюсь, вы это понимаете.

– Да.

– Идея колеса-солнца необычайно стара, возможно, это древнейшая из всех религиозных идей. Распятие на нем является жертвой, при помощи которой желают умиловить солнечное божество, подобно тому как плодородие земли обеспечивается ритуальным совокуплением на пашне.

Неожиданно он встал и, держа руки в карманах, прошелся по кабинету. Нервная, развинченная походка... сшитая точно по фигуре, слегка измятая одежда... Рите отчего-то вспомнилось знаменитое выражение «героиновый шик». Кажется, так говорили про Кейт Мосс, вечно сидящую на опиатах.

– Скажите, Грэм, вы отдаете себе отчет в том, какое впечатление производите на окружающих?

– Думаю, самое разное. Это зависит от обстоятельств и от того, какого рода отношения связывают меня с этими людьми.

– Вас интересует чужое мнение?

Он широко улыбнулся:

– Боюсь, что нет. Это очень плохо?

– Плохо? Не знаю. Я здесь не для того, чтобы отчитывать вас за плохое поведение или пытаться что-либо в вас изменить. Люди бесконечно разные. Вы такой, какой есть, и с этим ничего не поделаешь.

– Тогда чего ради мы пережевываем эту жвачку: мои впечатления, мои воспоминания, мои сны?

– Я стараюсь помочь вам обрести утраченную целостность. Хотя, конечно, достичь абсолютной целостности все равно не удастся, да это и не нужно. Естественное состояние человеческой психе не исключает столкновение различных ее частей. То есть, ей присущ определенный уровень разъединенности – состояние, которое буддисты называют «десятью тысячами вещей». – Она немного помолчала. Стоит ли объяснять так подробно? – Где-то внутри вас произошел болезненный раскол, так называемая диссоциация личности, вызванная наличием комплексов. В самом их наличии нет ничего патологического, но если комплексы несовместимы, то некоторые из них, наиболее оппозиционные сознанию, откалываются и начинают жить собственной жизнью. Когда расщепление достигает органических структур, можно с полным правом говорить о психозе. В вашем же случае это обыкновенный невроз.

Глубоко засунув руки в карманы и от этого немного сутулясь, он стоял посреди кабинета и мрачно смотрел на сидящую за столом Риту.

– Почему вы решили, что вам это удастся?

– Удастся что?

– Помочь мне обрести утраченную целостность.

– Послушайте, Грэм. – Она чуть подвинулась к спинке кресла и аккуратно сложила руки на коленях. – Вы писатель, для вас естественно иметь дело с образами, идеями и их словесным выражением, но вы никуда не годитесь как врач, поскольку не имеете для этого ни соответствующих знаний, ни опыта. Я же не в состоянии написать ни строчки, если только это не медицинское заключение, зато в кресле психиатра чувствую себя на своем месте. Я пользуюсь авторитетом у коллег и мне доверяют пациенты. Если бы речь шла о литературе, то вы были бы экспертом, а я – дилетантом. Но поскольку речь идет о психологии неврозов, смиритесь с тем, что я эксперт, а вы дилетант.

Он молчал. Трудно было сказать, о чем он думает. Может, о том, что пора сматываться? Браслет из белого металла сполз и слегка провис на запястье, показавшись из-под манжеты рукава.

– Не хотите присесть и продолжить рассказ? – поинтересовалась Рита как можно дружелюбнее.

– Рассказ? – в замешательстве переспросил Грэм.

– О ваших ночных похождениях в лагере труда и отдыха.

– Ах, да! Как я был бойскаутом. – Он скорчил гримасу. – Неужели это о чем-то вам говорит, доктор?

– Представьте, да. Если вы не возражаете, хотелось бы услышать окончание истории. Итак? Вы с приятелем забрались в девичью спальню, и девчонки задали вам трепку...

– Точно.

– Что вы подразумевали под словом «трепка»?

Минуту он молча смотрел на нее широко раскрытыми глазами, потом разразился хохотом.

– Ничего такого, о чем вы подумали.

– Откуда вы знаете, о чем я подумала?

– Ах, оставьте. – Он жеманно улыбнулся, на мгновение сделавшись похожим на одного из потасканных les folles[5 - Самые дешевые французские проститутки мужского пола (фр.).]. – В любом случае ничего подобного не было. Обычные подростковые игры с тасканием за волосы, неумелыми пощечинами, шлепками, тычками и опасной близостью разгоряченных потасовкой тел. Сознаюсь, они колошматили нас довольно усердно... а мы позволяли, создавая лишь видимость вялого сопротивления. Это приятно возбуждало, несмотря на синяки и ссадины.

Возможно, я должен был расценить это как тревожный сигнал, но вместо этого я, начинающий libertin[6 - Распутник (фр.).] получил несправедное удовольствие, решив при случае обязательно повторить аттракцион.

– Как скоро вам это удалось?

– Не очень скоро. Не то чтобы мне этого не хотелось, просто не было случая. Да и подходящей компании тоже. Начался учебный год, и мне стало, мягко говоря, не до того. Я занимался танцами, изучал сразу два языка, французский и английский, да вдобавок начал работать над сборником рассказов «Отражение в зрачках». Потом... – Он слегка нахмурился, пара вертикальных морщинок между сдвинутыми бровями. – Потом я встретил Веру – мне было шестнадцать, ей восемнадцать, и она считала себя ужасно испорченной. Такой, знаете, коварной и опытной соблазнительницей, при случае не брезгующей закусить наивным молоденьким мальчиком вроде меня. Мы познакомились в клубе. Ей понравилось, как я танцую, а мне понравилось, как она целуется. Мы неплохо провели время и в тот же вечер оказались в постели. Так безвозвратно пала, как выразился однажды полковник Лоуренс, крепость моей чистоты. И позже я ни разу об этом не пожалел.

– С мужчинами, как правило, этого не случается.

– Правда? Ну, если бы она позволила себе как-то уязвить мое мужское самолюбие, возможно, я бы и пожалел, что связался с ней. С первой встречной девчонкой, которая была не против пустить меня в свой сад чудес. Но она была в восторге от перспективы растлить малолетку и трудилась на совесть. – Он умолк, мечтательно глядя на кончик сигареты, которую закурил, едва оказавшись в кресле. – Давненько я об этом не вспоминал. – Перевел взгляд на Риту. – Что вы делаете со мной, доктор?

– Маргарита.

– Маргарита, – повторил он, пристально глядя ей в глаза. Ни в выражении его лица, ни в интонациях голоса не было ни тени смущения. – Могу я проводить вас до дома?

Рита почувствовала, что покрывается испариной. На днях, учитывая пожелания Грэма, она перенесла сеансы на шесть вечера, так что теперь по графику он был

у нее последним. Возможно ли, что уже тогда он планировал эту возмутительную провокацию?

– Это было бы в высшей степени неблагоприятно. Вы знаете не хуже меня, что даже при полном взаимопонимании между врачом и пациентом должна сохраняться дистанция.

– Помилуйте, доктор, – усмехнулся Грэм, опять становясь похожим на уличного мальчишку, готового продаться за пакетик кокаина. – Я же не предлагаю вам лечь под меня. Мы могли бы выпить по чашечке кофе где-нибудь неподалеку, а потом...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

К.Г. Юнг. О психологии бессознательного.

2

К.Г. Юнг. О психологии бессознательного.

3

«Неизвестная земля» (лат.).

4

«Черное солнце» (лат.) – алхимический термин, психологическое значение которого впервые раскрыл К.Г. Юнг в работе «Психология и алхимия».

5

Самые дешевые французские проститутки мужского пола (фр.).

6

Распутник (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/voroncova_tat-yana/nevroz

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)